Читайте:

4 Иван ХОХЛОВ:
«Я ни о чём не жалею»

8 Екатерина БИБИКОВА:
Встреча на родине героя

10 Итоги конкурсов:
«Небываемое бывает» и «Искусство видеть мир»

14 Валерий АНИШКИН:
Моя карма

18-21 У нас в гостях поэты из Смоленска:
В. МАКАРЕНКОВ, Е. ОРЛОВА, З. КАГАН, Л. КУЗЬМИН

22-26 ЛевитовФЕСТ:
Д. ЛАГУТИН, И. КОЛЕСНИКОВА, М. КОСОВСКАЯ

27 Новые проекты:
«Я патриот страны своей...»

29 Наталия ЕЛИЗАРОВА:
Адамовская мельница

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»
Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92
Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru
Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9
Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ
Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

Осень выдалась насыщенной на события. Мы подвели итоги двух Всероссийских литературных конкурсов «Небываемое бывает» (к 350-летию Петра Первого) и «Искусство видеть мир» (к 130-летию К.Г. Паустовского). Таким образом, за последние пять лет провели шесть значимых мероприятий, открыли три десятка талантливых ребят, двое из которых уже стали профессиональными писателями.

Радует, что в молодёжной среде не исчезает интерес к русскому языку и литературе, к великому культурному наследию России. Более того, последние события на Украине подвигли начинающих сочинителей стать инициаторами ещё двух проектов: «Книги – детям Донбасса» и «Русский язык – Донбассу». Орловское региональное отделение Союза российских писателей стало инициатором сбора литературы для библиотек и школ Малороссии, где нацисты попытались уничтожить «великий и могучий». После моего посещения Донбасса ещё в 2015 году и сегодняшних контактов с коллегами из Луганска и Донецка стало понятно, что нацисты пошли по пути гебельсовской пропаганды и подвергли обструкции шедевры мировой классики, договорившись до того, что Пушкин, Достоевский, Толстой и иже с ними вредны для украинских детей. Бессмысленно комментировать шизофрению правителей Незалежной, как и заокеанских покровителей фашистской идеологии. Но ясно одно: век их короток и Высшего суда не миновать.

И ещё об одной акции, которая получила поддержку на всех уровнях. Речь о Всероссийском просветительском проекте «Вечный огонь» («Из книги – на экран»). Очень многие школы и библиотеки хотят пригласить нас в гости, чтобы повести разговор о патриотизме, узнать как рождаются книги о войне и посмотреть документальные фильмы, снятые по мотивам наших произведений. Уже прошли такие встречи в 30 учебных заведениях, есть более ста заявок и письма поддержки от губернаторов Курской, Белгородской, Брянской областей. К сожалению, пока из-за обстрелов этих территорий наши визиты в соседние регионы откладываются. Но, думаю, придёт время и совместными усилиями мы познакомим с нашим проектом как можно больше людей...

№32' октябрь2022
Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:
РИФ «3-е ИЮЛЯ»
СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02
Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1) Вышло в свет 135 номеров

16+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.10.2022 г. Выход в свет: с 01.10.2022 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа «Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №32-НО+
Цена свободная

«Я ни о чём не жалею»

Иван Власович Хохлов родился 28 ноября 1930 года в селе Литовня Навлинского района Брянской области (которая входила тогда в состав Орловщины). С тех пор минуло 92 года. Огромная жизнь, вместившая в себя и радость, и горе. Жизнь, достойная того чтобы о ней знали нынешние поколения. Впрочем, предоставим слово самому Ивану Власовичу:

– Семья наша была типично крестьянской. Обычно в таких семьях бывает много детей. Но я оказался один. Дело в том, что, когда мне не исполнилось и года, мама развелась с отцом. Это потом уже у меня появились две сводные сестры, когда мама вторично вышла замуж.

Я любил учиться, с удовольствием ходил в школу. Мечтал о многом хорошем. Но началась Великая Отечественная война, наше село оккупировали немцы. По малолетству я много не понимал, но запомнил все тяготы от неволи.

А в 1943 году вместе с мамой нас схватили прямо на улице, погнали на станцию, а оттуда началась дорога в плен. Так мы оказались в Германии, в деревне Нойендорф, в 15 километрах от города Грайсвальд, что в Мекленбурге. Рядом Балтийское море, в хорошую погоду Швецию видно.

Работали на помещика в поле: свёклу, морковь убирали, грузили на вагонетки и отправляли на скотный двор. Кого там только не было: русские, поляки, украинцы, белорусы… Кормили плохо, ютились в каком-то сарае.

Однажды управляющий заметил, что я собираю хворост для розжига, хотел согреться, так он начал стрелять. Благо, промазал. Вот такие были наши «хозяева».

Освободили нас 2 мая 1945 года. Сколько было радости! Солдаты чуть ли не со слезами на глазах пытались нас – худющих, замызганных – откармливать, видимо, вспоминали своих детей, оставшихся вдали от передовой.

Три месяца собирали нас, брянцев, со всей террито-

рии Германии. Получился целый эшелон. Где-то в Барановичах организовали пересылку. А когда туда ехали, нас бомбили американцы.

Конечно, наши органы допрашивали, выведывали, кто как себя вёл в плену. Меня по малолетству не особенно пытали на этот счёт, да и не придавал я этому особого значения: какой с мальца спрос…

Приехали в Брянск, оттуда всех отправили по своим деревням. Я пошёл учиться в ФЗО в Дубровку Брасовского района, 7 км от нашего села. Учился на столяра: делал двери, рамы оконные. Там встретил пленных мадьяр, немцев. Они пилили деревья в лесу, по железной дороге доставляли нам.

Окончил среднюю школу. Завербовался на станцию Узловая, что в Тульской области. Проработал год по специальности. А тут подоспело время идти служить в армию. Попал в Минск, в штаб армии, где и прослужил три года. Проверял на входе документы. Кого только не видел: и Покрышкина, и Говорова. Последний приезжал разбираться, когда в районе Киева задержали троих шпионов. Уже тогда наши бывшие союзнички задумывали провокации против России.

Невзирая на должности, я был очень строгим. Однажды один майор пытался пройти без пропуска, я перегородил ему дорогу. Тот аж взвился: ты что же, меня не знаешь? «Знаю, – отвечаю, – но без пропуска не пропущу». Майор грозился «стереть меня в порошок», об этом я доложил своему начальнику генералу Ивану Григорьевичу Солодовникову. Уж не знаю, как он поговорил с этим майором, но только в следующий раз этот офицер задолго до подхода к двери доставал пропуск…

Служба была хорошая. 4 часа дежурю, через 8 часов заступаю вновь на пост. Кормили на убой. В самоволки, как некоторые, я не ходил, мне за хорошую службу всегда давали увольнительные.

Так прошло три года. Меня оставляли на сверхсрочную, но я почему-то заторопился домой. А там, дома, ничего хорошего. Правда, 2 мая 1954 года женился на Валентине Фёдоровне, она агроном с хорошей зарплатой, в почёте. Заскучал я, откровенно говоря. Она денежки получает, а я что… как беспризорник. Решил вернуться в Минск. А там сокращение штатов. Но мне подсказали: тот полковник, что с тобой служил, сейчас замдиректора на маргариновом заводе. Попробуй с ним поговорить. Поехал. Его нет на месте. На следующий день пришёл, полковник меня узнал. И с ходу: заполни анкету, завтра выходи на работу. Грузчиком для начала.

Работаю, снял комнату. Вызвал жену. А тут про целину заговорили, поддался я на агитацию и туда сорвался. Замдиректора завода попенял: «Куда ты? Здесь квартиру получил бы…»

Так с женой оказались мы в совхозе «Буревестник» Акмолинской области. Ехали 120 километров по снегу на тракторе. Прямо как в фильме «Иван Бровкин на целине». Платили не очень, тем более была засуха. Правда, следующий год выдался урожайным – зерна завались.

Тем не менее, пробыв там два года, решили возвращаться домой. Поехали на родину жены в Хотылёво, что под Брянском. Я устроился на автозавод, где проработал 36 лет. Ещё шесть лет, будучи на пенсии, работал начальником смены. И жена там же работала табельщицей.

С женой прожил 67 лет. В 2021 году она умерла.

Остались дети: сын и дочь. Внуки у меня появились. Моему правнуку уже 16 лет.

Сидеть без дела не могу, у меня дача под Сельцо, люблю также по лесу побродить: грибы-ягоды пособирать.

На жизнь грех жаловаться. Вот Президент ко Дню Победы выписал 70 тысяч рублей, да и пенсия у меня неплохая. И немцы компенсацию за плен давали.

К слову, когда понадобилось подтвердить, что я был в плену, пришлось найти двух свидетелей и через суд обзавестись соответствующей справкой.

Я жил в Бежице в своём доме, а когда стали разрабатывать район под многоэтажную застройку, наш дом снесли, а нам с женой дали двухкомнатную квартиру, где мы с вами и беседуем.

Если оглядываться назад, на прожитую жизнь: ни о чём не жалею. Всегда старался жить по совести, помогая тем, кто рядом. Никому не завидуя. Ничего не прося. Думаю, что это важно передать и последующим поколениям. Единственное, что хочу им пожелать: не дай Бог узнать, что такое война и лишения, связанные с ней. Пусть будет мир!

Владимир ЕРМАКОВ

ПО ТЕЧЕНИЮ ВРЕМЕНИ

своемерные заметки на полях календаря

Октябрь: пройди под радугу

Мягкий и нежный огонь золотой осени проходит по городам и весям последним колдовством, опаляющим предчувствием счастливой смерти. Греки называли это свободное падение души в чужую беду катарсис. Переживание трагического очищало картину мира от налипшей пошлости. В каком-то смысле это и есть сущность поэзии. Когда привычные понятия теряют значение, значительным становится всё: и бархат лужи с кружевным ледком, и облаков разрозненное стадо, и воробьи, застывшие рядком на паперти обобранного сада, и снегом опушенные листы, опавшие, лежащие навалом, и смутная, как приступ суеты, тревога о своём, привычном, малом…

В душевном смятении мешаются страх быть смешным и стыд стать сентиментальным. Как жаль, что я любил так мало и так плохо… Ничего уже не поправить. В осенних чувствах больше смирения, чем страсти. Не жадный жар, но нежный холод. Я сам себя не узнаю: откуда вдруг такое умиление пустяками и сиротское всепрощение? Я от души прощаю всех, кого не люблю. Они, если рассудить без гнева и пристрастия, такие же несчастные сущности, как и я сам. Их лето прошло одним днём, да и осень кончится, обойдя их своим недорогим и недолгим счастьем.

Радость легко и охотно растрачивает себя на пустяки, а печаль хранит себя. Радость преходяща, она вся на поверхности, а печаль всегда где-то внутри и неисчерпаема. Когда начинается осень, птица радости Сирин улетает в тёплые края, а птица печали Алконост остаётся бедовать с нами.

Центр тяжести осени – праздник Покрова. Святая Русь – вдовья доля Богородицы, выделенная ей в молитвенное кормление при христианском разделе божьего мира. По преданию, когда Византию осаждали сарацины, святой Андрей Юродивый, искавший в небе заступничества, углядел в звёздной ночи Богородицу, покрывшую Царьград своим омофором. Самые прекрасные русские храмы – Покрова на Нерли и Василия Блаженного на Красной площади – посвящены памяти этого чуда. Считается, что в этот день, 14 октября по новому стилю, на нашу землю ложится первый снег. Климат давно отошёл от старого порядка, и времена года смещаются в рамках календаря, но ожидание снега всё так же пробегает нервным ознобом по хребту октября.

Золотая осень пробивается через ночные дожди, пробирается сквозь утренние туманы, просыпается долгими листопадами. В октябрьском спектре природа примиряет холодные и тёплые цвета, наполняя сердце созерцателя грустной радостью. Порой выпадает такая ясная и тёплая погода, что даже самый прозаичный сантехник, пребывающий в напряге по причине начала отопительного сезона, невольно остановится по дороге от подъезда к подъезду, поворотится вдруг лицом к горизонту, сдвинет разводным ключом кепку на затылок и вымолвит с тихой и светлой улыбкой: эх, мать твою! красота-то какая!

В литературной критике это чувство внутренней отрешённости называется элегическим настроением. Можно выразить его иначе; скажем, так: Унылая пора! очей очарованье! // Приятна мне твоя прощальная краса…

Что ж, каждый выражается как может.

Однако большая часть октября заполнена никакими днями. Утро вяло и томно, а вечер смутен и скучен. Не дожидаясь ветра, бурые листья отпадают от веток и опадают в воздух – безвольно, безбольно, бесцельно…

Вялая меланхолия пропитывает течение дня. То, что делается, делается потому, что надо что-то делать. Каждому своё. Мне вот надо написать пару тысяч слов о том, что писать не о чём. В отсутствие материала – картинка с утреннего октябрьского рынка: проворный воробей выхватил семечку из-под руки торговки; воробьи совсем озверели, – как-то отрешённо, без мысли и без чувства, говорит торговка товарке.

Настроения октября неверны и неясны; они настояны на опавших листьях и увядших надеждах, – в них горечь отречения и хмель меланхолии… словно разочарованный странник в ретроспективе жизни ищет потерянное время, проходя вспять полутёмные анфилады минувших лет, – но всё напрасно; всё, что составляет фонды музея памяти, не более чем чучела воспоминаний, изъеденные молью забвения…

В октябре, в холодном тумане, дух живый насыщается хандрой… Хандра ниоткуда, // На то и хандра, / Когда не от худа / И не от добра. Так ничтоже сумняшеся Пастернак перевёл парижскую грусть Верлена в русскую тоску. Переложил с бульварного арго, пропитанного полынной горечью абсента, на язык родных осин, трепещущих под злым ветром. Тоска – такое особенное страдание: метафизическая тошнота, выматывающая душу. В структуре тоски земная мука замещена вселенской скукой. Повыть, что ли…

В периоды тоски, в кризисном состоянии сознания, человеку куда как худо. Он сам себе не нужен. И не знает, куда деться. Не так ли, сносив сапоги по священным камням Европы, тосковал сентиментальный Карамзин? Ныне ввечеру чувствовал я в душе своей великую тягость и скуку: каждая мысль, которая приходила мне в голову, давила мозг мой; мне неловко было ни стоять, ни ходить. Пойми, попробуй, с чего человек задурил! Такова русская натура, хоть и привитая западным рационализмом. В плавном течении эмпирических забот вдруг обнаруживается тихий омут, – и злые черти затягивают потерянную душу в тёмную бездну…

Тоску просто так из сердца не изведёшь; врастает крепче репейника, жалит злее крапивы. Избывать её надо терпением, принуждая себя к исполнению житейского долга – неустанным усилием воли вытягивая жизненный воз из депрессивной трясины безвременья в наезженную колею календаря.

Как живут люди там, где нет осени? Что они знают о мире и о себе? В глубине ночи райское яблоко падает с дрогнувшей ветки, глухо стукается о податливую землю и тихо лежит в траве, навсегда ошеломлённое долгожданной катастрофой. А когда утренняя мгла разойдётся с последними клочьями тумана, над землёй рассыпается радуга царственной осени. Дрожащее мерцание тусклого золота на вылизанной ветром глади воды; тяжёлый обморок умбры и усталая дремота охры; выцветающая зелень постепенно уступает место под солнцем болезненной желтизне и нездоровой серости.

В расширенном формате октября все вещи этого мира отъединяются и отодвигаются друг от друга. Всё больше расстояния между вехами, и всё меньше значения в отдельных вещах. Такой простор!.. а податься некуда. Для русского духа самое привычное состояние. Жизнь решительно не удалась, значит, надо достойно вынести наступившую пустоту. Ничего нет, да ничего и не надо. Отдать бы последнее и – на волю. Вкус отрешённости, сухой и горький, связывает язык мудрости. Возраст осени склоняет к молчанию. О чём говорить? Всё уже сказано. Одиночество и свобода обходятся без слов.

Октябрь уж наступил... Наступил на ворох сухих листьев, скопившихся по кромке дороги, и разреженный воздух вобрал их печальный шорох. Октябрь. Хорошее время для ухода. Исполнив урок или потерпев поражение, обернуться ещё раз в прошлое – и уйти куда глаза глядят. Вслед за тенью яснополянского старца, решившегося на бегство из опостылевшего дома. Уйти в бездомность и безвестность, сорвавшись с цепи причинно-следственных связей. Сколько таких как мы кануло в тайных нетях осенней страны…

О вещее сердце моё, захлёбывающееся тёмной венозной кровью! Проведи меня под опадающую радугу октября – туда, где вдоль просёлочной дороги стоят в ряд голые вётлы, вздрагивая под напором подступающей тьмы. Все тихие чудеса среднерусской природы особенно дивны осенью – накануне исчезновения. Ибо нет для сердца ничего дороже прощальной красоты. Чудо наоборот: было – и нет… Шкала пустого множества – школа нашего мужества. Всё лишнее отходит и удивляешься – как мало́ то, что принадлежит тебе, и как ма́ло оно тебе принадлежит.

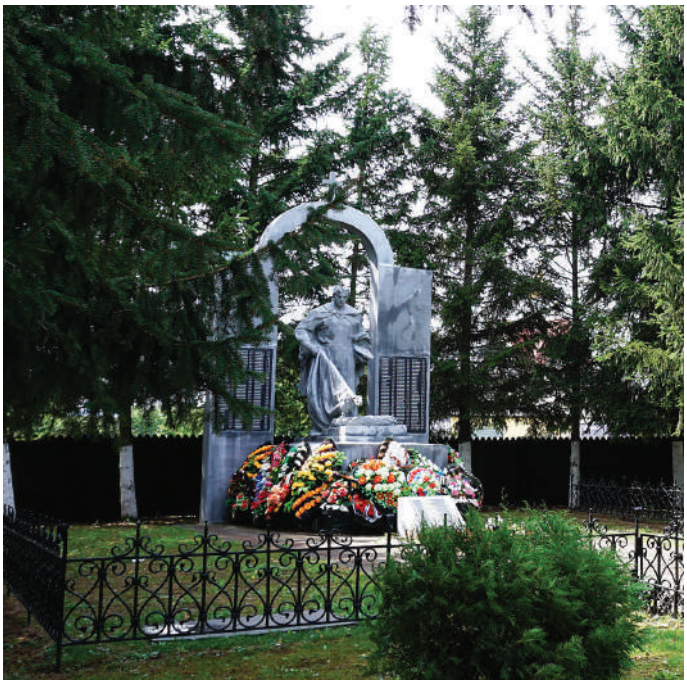
Чем дальше в осень, тем меньше жизни. Дальше будет и того горше. Когда опавшие листья разлагаются по обочинам дорог в серое месиво, когда корявые остовы деревьев царапают глаза готической графикой, воображение смещается по спектру чувств от полуденной радужности в серую меланхолию ранних сумерек. Осенние сказки неразборчивы, как незаконченные черновики. В них нет ни счастливого конца, ни красивой морали. Самую странную сказку, какую я знаю, сочинила моя дочь, когда ей было лет пять-шесть. Одна девочка убежала из дому и заблудилась в осеннем парке. Настала ночь: девочка шла по голой аллее и плакала. Было тихо и страшно. А потом она увидела, что навстречу ей идёт скелет. Девочка замерла от ужаса, а скелет подошёл к ней и ласково спросил: «Куда ты идёшь, красавица, набитая мясом, обтянутая кожей и в прелестном платье?..» Сочинять дальше она не захотела. Кажется, сказка пришла к ней во сне. Осенние сны не сулят ничего доброго. Ну и что? Главное, всё-таки, не счастье. Молодые этого не знают, и хорошо, что не знают.

К концу октября Солнце, если верить астрологам, скатывается с коромысла Весов и попадает под власть Скорпиона. Это знак сарказма и символ самоедства. Томно, тайно, тревожно что-то болит, а что – не понять. Наверное, душа. Ну – ничего, ничего. Это пройдёт, дружок, это пройдёт… Да и всё остальное тоже.

ВСТРЕЧА НА РОДИНЕ ГЕРОЯ

В Становлянском районе Липецкой области, на родине командира противотанкового орудия старшего сержанта Ивана Воеводина, в рамках Всероссийского просветительского проекта "Вечный огонь" (или "Из книги – на экран") прошёл показ документального фильма Игоря Свеженцева "Девичья пушка". В переполненном зале местного Центра культуры после рассказа Геннадия Майорова о поиске свидетельств уникального подвига девчонок-противотанкистов автор книги "Здесь оглохла зима от обстрела" отвечал на вопросы как школьников, так и их учителей. Затем долго фотографировались на память. Автор подарил библиотеке свои книги и журналы. В ответ становлянцы обещали продолжить поиск, так как, к сожалению, о И.Ф. Воеводине практически не сохранилось никаких подробностей. Руководство района заверило, что к очередной памятной военной дате имя героя появится на одном из мемориалов.

Фото Екатерины Бибиковой



В 2015 году по нашей инициативе в центре Орла был создан сквер Артиллеристов, где увековечен подвиг женского противотанкового расчёта.

На фото справа, сделанном в 1986 году, две героини фильма «Девичья пушка»: Мария Семёновна Труфанова и Анна Назаровна Сертакова встретились 43 года спустя в д. Кутузово, где воевал их легендарный орудийный расчёт.

В торжественной обстановке в библиотеке имени И.А. Бунина, в Среднерусском институте управления (филиале РАНХиГС) и орловских музеях подвели итоги Всероссийских просветительских проектов «Небываемое бывает» (к 350-летию Петра Первого) и «Искусство видеть мир» (к 130-летию К.Г. Паустовского)

Мы всегда рады литературным талантам!

В Орловской областной научной универсальной публичной библиотеке им. И.А. Бунина прошло награждение победителей сразу двух литературных конкурсов – "Небываемое бывает" и "Искусство видеть мир".

Первый предполагал участие молодых поэтов, прозаиков и эссеистов до 35 лет, второй – детей и подростков до 18 лет с короткими рассказами о войне, природе и чуде.

Идейным вдохновителем конкурса к юбилею Петра I стал председатель Орловского регионального отделения Союза российских писателей – **Геннадий МАЙОРОВ**.

Организатором детского конкурса – поэт, прозаик, переводчик, магистрант МГПУ **Наталия ЕЛИЗАРОВА**, изучающая творчество К.Г. Паустовского.

В жюри конкурса «Искусство видеть мир» вошли как детские писатели (**Ольга КЛЮКИНА, Настя СТРОКИНА, Анна ХАРЛАНОВА**), так профессора и доценты университетов – доктора и кандидаты наук (**Алла ГРОМОВА, Татьяна НИКОЛЬСКАЯ, Инесса РОДИОНОВА**); научные сотрудники музеев (**Анжелика ДОРМИДОНТОВА, Елена ШВЕДОВА**).

На финал приехали участники из разных городов России: Смоленска, Белгорода, Усть-Лабинска (Краснодарский край)... и даже Владивостока.

Перед финалистами выступили ученицы Орловской детской хореографической школы имени Э.М. Панковой.

В рамках торжественной церемонии победители конкурсов были награждены дипломами и памятными подарками, приняли участие в творческих семинарах по поэзии и дет-

ской литературе, посетили литературные музеи города Орла.

Первое место в номинации «Рассказ о чуде» заняла **Эмилия ВИЛЬ** (г. Ставрополь), в номинации «Рассказ о войне» – **Алёна САВЧЕНКО** (г. Усть-Лабинск, Краснодарский край), в номинации «Рассказ о природе» победу разделили **Екатерина ЕФРЕМОВА** (г. Курган) и **Алексей СВИСТО** (г. Краснодар).

Полный список финалистов и победителей и информацию о новых конкурсах можно найти на сайте:

http://союзписателей-57.рф/

Фото Ольги Аристариной

ТОРЖЕСТВЕННОЕ
НАГРАЖДЕНИЕ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ИТОГИ КОНКУРСА «ИСКУССТВО ВИДЕТЬ МИР»

(к 130-летию К. Г. Паустовского)

1 место в номинации «Проза. Рассказ о войне»
Алёна САВЧЕНКО (Краснодарский край) рассказ «Седой снег»
2 место в номинации «Проза. Рассказ о войне»
Софья КОРНЕВА (г. Волгоград) рассказ «Мечты в пепле»
3 место в номинации «Проза. Рассказ о войне»
Роман ИВАНОВ (г. Краснодар) рассказ «Отзвуки жизни»

1 место в номинации «Проза. Рассказ о чуде»
Эмилия ВИЛЬ (г. Ставрополь) рассказ «Я ещё верю в людей»
2 место в номинации «Проза. Рассказ о чуде»
Ярослав ГРЫЗЫХИН (г. Владивосток) рассказ «Москва – Владивосток»
3 место в номинации «Проза. Рассказ о чуде»
Ася ДМИТРИЕВА (пос. Пудость Ленинградской области) рассказ «Чудо»

1 место в номинации «Проза. Рассказ о природе»
Екатерина ЕФРЕМОВА (г. Курган) рассказ «Маленькое счастье Сашки Воробьёва»
Алексей СВИСТО (г. Краснодар) рассказ «Хозяин».
2 место в номинации «Проза. Рассказ о природе»
Софья КИСЛЯКОВА (г. Заречный Пензенской обл.) рассказ «Про кота Лёшу, деда Алексея и лещей»
Ксения САФОНЕНКО (г. Минск, Беларусь) рассказ «Незабудки»
3 место в номинации «Проза. Рассказ о природе»
Елизабед ЦОЦОНАВА (г. Поти, Грузия) рассказ «Искусство видеть мир»

Поздравляем победителей!

В номинации «Проза. Рассказ о природе» два человека отмечены специальными грамотами жюри:
Юлия ШАМАРДИНА (г. Йошкар-Ола) рассказ «В поисках приключений», за хорошее чувство юмора и
Иван СЕМЫКИН (г. Белгород) рассказ «Планета в опасности, или Как енот Ёня Землю спасал» за фантастически оригинальное решение насущных земных задач.

Валерий АНИШКИН

МОЯ КАРМА

Человек в мире изменённого сознания

(в сокращении)

Глава 10

Не скажу, что меня не устраивали мои новые знакомые. И Антон, и Захар, и Талик, или Толик, Алеханов были по-своему интересны, и я свободно общался с ними и не чувствовал особого дискомфорта. В конце концов, каждый из них был личностью, и, как каждый отдельный человек, со своими взглядами на жизнь и со своим особым мировоззрением, хотя они и не рассуждали о мире и своём месте в нём, также, как и о судьбах всего человечества.

Я много читал, размышлял над прочитанным, иногда встречался с Иваном и его друзьями, но моя сущность требовала какого-то другого круга общения, общения, где формируются и живут идеи, образы, формы, и где я, может быть, найду истину и пойму что-то важное для себя, то, чего я не понимал прежде. Из психологии я знал, что наши эмоции, чувства и представления о чём-то нестойки и изменчивы, и чтобы закрепить их, нужна активная форма мышления. Тем более, мой мир слов и образов был странным, и я, оценивая его отстранённо, не понимал его и по этому поводу рефлексировал. *(Рефлексия (от позднелат. reflexio «обращение назад») – это обращение внимания субъекта на самого себя и на своё сознание, в частности, на продукты собственной активности, а также какое-либо их переосмысление.)*

В пятнадцати минутах ходьбы от общежития на улице Химиков находился Дом культуры строителей. Проходя мимо, я видел объявления, которые предлагали мне записаться в кружок «Помоги себе сам» или в кружок бисероплетения, а также в студию «мягкой игрушки» или в студию «кройки и шитья». У кружков были названия: кружок декоративно-прикладного творчества «Вдохновение», студия ИЗО «Волшебная палитра» и даже на иностранный манер – «Dance». Иногда появлялись новые объявления: администрация призывала записываться в класс игры на барабанах, в фольклорный хор или в кружок «Ветеран». Я ловил себя на том, что, читая объявления, невольно улыбаюсь, хотя, что смешного в том, что люди хотят танцевать, петь и вышивать бисером? Сам я вышивать бисером не хотел так же, как и играть на барабанах. И я шёл дальше по своим делам, пытаясь представить, что скрывается за этим «Помоги себе сам», и почему кружок декоративно-прикладного искусства называется кружком, а «кройка и шитьё» студией. Бывает, в голову забредёт какая-нибудь ерунда, которую потом колом не вышибешь. Это как стишок или навязчивая мелодия, которые будут вертеться в голове до тех пор, пока сами не уйдут куда-то.

Помню, в детстве на дальнем конце нашей улице жили братья с прозвищем «китайцы» – старший китаец и младший. Старший, которому было лет двенадцать, считался хулиганом отъявленным. А младший, только поступивший в первый класс, тянулся за старшим и перенимал все его повадки. Вся улица знала, что отец их вор и сидит в тюрьме. Не помню, как младший как-то оказался у нас в доме, но помню, что моя мать угостила его куском пирога, и он, благодарный редкому к себе доброму отношению, решил прочитать стихи, которые знал. Он попросил поставить его на табуретку и прочитал стихи, похожие на частушки. Самое невинное четверостишие было: «Пришла курица в аптеку /И сказала: «Кукареку!/ Дайте пудру и духи, Чтоб топтали петухи!...»

Мать выпроводила младшего китайца на улицу и сказала: «Чтоб больше я этого маленького негодяя не видела. Вова, это плохой мальчик. Не водись с ним».

Наша компания с китайцами и не водилась, просто они иногда появлялись на нашей части улицы, и мы относились к ним нейтрально, потому что это всё же была одна улица.

Я спросил мать:

– А зачем кур нужно топтать?

– Не знаю, – ответила раздражённо мать. – Спроси у отца.

– Сынок… это чтобы курочки яички несли, – растерянно и невпопад сказал отец.

Я ничего не понял, и только немного позже, когда на улице меня по-своему просветили по части половых отношений, я пришёл к выводу, что вопрос свой поставил неверно, правильно было спросить не «зачем?», а «как?».

Но идиотские слова частушек словно прилипли ко мне и преследовали долгое время…

Однажды я увидел объявление, которое стояло обиняком, выбиваясь из общего списка танцевальных, хоровых и других творческих групп своей значительностью и даже некоторой таинственностью. Объявление приглашало желающих попробовать себя в качестве артиста Народного театра. Ниже говорилось, что театром руководит Заслуженный артист РСФСР Борис Михайлович Каширин, артист Омского драматического театра.

И мне вдруг показалось заманчивым попробовать себя в качестве артиста в драмкружке с привлекательным названием Народный театр, хотя никаких талантов в лицедействе я за собой никогда не замечал, если не

считать первое и последнее выступление со сцены клуба ЛГПИ имени Герцена со своими переводами с английского. Тогда я обидел английских студентов, прочитав стихотворение «Лондон» Уильяма Блейка.

Я брожу по улицам нарядным, Там, где Темза тёмная томится. Каждого прохожего обласкиваю взглядом, А в ответ суровые, нахмуренные лица.

Перед тем как я прочитал эти мрачные стихи, Стив, старший группы английских студентов, попросил публику принять во внимание, что это стихотворение написано английским поэтом в конце XVIII века и не имеет отношения к сегодняшней Англии. Но я, не обращая внимания на смущение англичан, бросал в зал с ораторским надрывом страшные строчки и клеймил:

В каждом слове страх я замечаю,

Плач ребёнка кажется заклятьем, Всюду скорбь, усталость я встречаю, С бледных губ срываются проклятья.

Наши гости, студенты из Лондона, разводили руками и перешептывались, а я поставленным голосом добивал капитализм:

Кровь солдат и стоны омывают

Роскошь замков древних и дворцов,

Только люди в нищете здесь умирают, Смерти глядя с радостью в лицо.

Последние строчки я произнес тихо, что прозвучало еще более трагически, чем у Блейка. Я сказал «поставленным голосом» и не оговорился, потому что в клубе с нами работал приглашённый артист театра и кино, который репетировал с выступающими и учил выразительному чтению стихов с логическими ударениями, паузами и интонациями.

Зал аплодировал. Он принял концепцию. А до меня стала вдруг доходить нелепость происшедшего, и я с ужасом понял, что не только сделал глупость, прочитав это стихотворение, но и спровоцировал ситуацию, при которой неловкость чувствовали и гости, и те нормальные люди, для которых политика оставалась всегда чем-то второстепенным, и жили своей простой человеческой жизнью.

А зал не унимался, и кто-то даже выкрикивал: «Мо-ло-дец, мо-ло-дец!»

Я поспешил уйти, не дочитав переводы из Байрона и Шекспира. Сгорая от стыда, дождался Стива, чтобы извиниться и объяснить… а что я мог объяснить? Стив натянуто улыбался, и смотрел на меня с лёгким презрением…

Дом культуры приятно радовал глаз салатовым цветом стен и белыми колоннами. Аккуратное двухэтажное здание украшал герб СССР с развёрнутыми знамёнами, оно выглядело уютно, и я с волнением, словно шел на экзамен, открыл с трудом высокую тяжёлую, не иначе как дубовую, дверь, к тому же снабжённую ещё и мощной пружиной. Дверь втолкнула меня в фойе и с грохотом захлопнулась, став на место.

Вахтёрша на входе вязала что-то на спицах. Она споро работала, спицы мелькали в её руках, и клубки шерстяных ниток прыгали и шуршали в небольшой картонной коробке.

Я поздоровался. Вахтёрша равнодушно посмотрела на меня поверх очков.

– Ну и дверь у вас! – сказал я. – Как только с этой дверью девушки справляются!

– Вы к кому? – оставила без ответа мой вопрос вахтёрша.

– Да хочу в драмкружок записаться.

– Это к Борису Михайловичу. Они в зрительном зале, репетируют. Иди прямо, направо зал. Найдёшь. Когда репетируют, даже здесь бывает слышно.

Действительно, чем дальше я шел по коридору, тем отчётливее слышал голоса, по которым без труда нашёл зал, где шла репетиция. Я тихо приоткрыл дверь и просунул голову. Дверь скрипнула и бархатный баритон недовольно сказал:

– Ну кто там ещё?

В зале царил полумрак, и я отчётливо видел только сцену, на которой стояли и сидели на простых конторских стульях артисты. С трудом я разглядел человека, сидевшего где-то в третьем или четвёртом ряду партера с пачкой листов бумаги в руках, очевидно, пьесой, как раз напротив двери, в которую я вошёл.

– Вам кого? – спросил мужчина. Теперь голос его звучал нетерпеливо. Репетиция прервалась, и артисты стояли в ожидании команды продолжать.

– Я хочу записаться в драмкружок, – торопливо сказал я и почувствовал, что робею. Мои глаза привыкли к полумраку, и теперь я смог рассмотреть режиссёра или руководителя. Он выглядел импозантно, крупные черты лица на львиной голове, пропорциональной массивному телу, предполагали благородство и великодушие. С минуту режиссёр разглядывал меня.

– Ну-ка, ну-ка! – сказал он наконец. – Поднимитесь-ка на сцену. – Да снимите плащ.

Я повесил плащ на спинку кресла и поднялся по ступенькам на сцену. Теперь на меня с любопытством смотрело несколько пар глаз, отчего я совершенно смешался.

– Ну, чем не Севастьянов? А? – воскликнул режиссёр.

– А что, Борис Михалыч, похож, – оглядев меня как девку на выданье, согласился смуглый черноволосый красавец из состава артистов.

– Арсен, ну-ка дай молодому человеку текст с ролью Севастьянова, пусть прочтёт что-нибудь. Давай с первого его выхода. Варя,

Сергей, дайте ему реплики. Вы ‘входите…Да, как вас зовут? – – Владимир, – ответил я.

– Так вот, Володя, представьте военный городок. Лето. К вашему товарищу, лётчику Сергею Луконину, приезжает невеста Варя. Вы приходите на квартиру к Луконину и впервые видите его невесту. Она вам нравится, вы стесняетесь и даже находитесь в некотором замешательстве… Всем десять минут отдыха. Вы, Володя, знакомитесь с текстом.

Обо всём этом Дмитрий Михайлович проговорил по-режиссёрски властно, не допускающим возражения тоном, будто я уже сто лет принадлежу к труппе его самодеятельных артистов, которые благоговейно внимают ему и готовы выполнить любое указание.

Через десять минут я «входил» в комнату главного героя пьесы.

Я: Можно?

Сергей: Входи, Севастьяныч, знакомься!

Я: Севастьянов.

Варя: Варя.

– Здороваешься с Аркадием и смотришь на Варю, – подсказывает режиссёр.

Варя: Ну, что вы на меня так смотрите?

– А он на тебя, Лен, никак не смотрит, – то ли удивляется, то ли хочет сказать, что не понимает, как так можно, и машет рукой, что, очевидно, означает полную безнадёжность, режиссёр, но я после короткой заминки продолжаю: Я. Вот вы какая.

Варя: Что, не нравлюсь?

Я: Нет, что вы, я только хотел сказать, что вы мне рисовались совсем в другом облике.

– Вы смущены, вы не знаете, куда девать руки от смущения.

(Это режиссёр).

«Какие руки? У меня роль в руках», – мелькает в моей голове.

Варя: В каком же другом облике?

Я: Сергей Ильич мне сказал, что вы актриса, и я вас рисовал себе несколько солидней и почему-то брюнеткой. Приехали играть в наш театр?

– Ну что так постно? Ну, хоть какое-то выражение лица сыграйте, – недовольно выговаривает режиссёр.

Варя: Да, и четырёх ребят с собой притащила, скоро приедут.

Я: Какой больше репертуар предполагаете играть, современный или классический?

– Стоп… Совершенно бездарно, – дал, наконец, оценку моему дебюту режиссер. Подумал и решил: – Хотя для первого раза, может, и сойдет… Главное, молодой человек не шепелявит и не заикается.

Все засмеялись, а я растерянно стоял с листками роли, красный как бурак и совершенно убитый.

– А чего вы такой зажатый? – недовольно продолжал режиссёр. – На сцене, конечно, впервые?

Я стоял на сцене с унылым и потерянным видом и молча смотрел в зал на едва различимое в полумраке лицо режиссёра.

Борис Михайлович заметил моё подавленное состояние и уже мягче добавил:

– Ну, ничего-ничего, не боги горшки обжигают. Между прочим, ваш герой Севастьянов как раз очень застенчивый человек. Вы пьесу Симонова «Парень из нашего города» знаете?

– Смотрел фильм с Крючковым.

– Ну вот, а мы ставим пьесу. Вы будете играть Севастьянова. Только вы, голубчик, уж теперь приходите, а то у нас Севастьянова нет. А к сцене привыкнете. Здесь у нас только один профессионал,

Арсен, а так – все любители. Так что не робейте… Я, конечно, пришёл.

С артистами я скоро не то чтобы подружился, но стал чувствовать в их среде более-менее свободно. Это были творческие люди. Все любили искусство, тянулись к прекрасному, и театр оказался для многих если не профессией, то занятием, ставшим более привлекательной частью жизни и отдыхом от повседневного, часто неустроенного быта.

– Иначе обыденность заест, – сказала как-то Лена, которая играла роль Вари, и пояснила: – Хотела стать настоящей актрисой, но не получилось, так что театр для меня – отдушина.

– А вы, Лена, стали настоящей актрисой, – возразил Дмитрий Михайлович, придавая бодрость своему голосу, – и играете не хуже некоторых профессионалов, которых я знаю.

Тем не менее, Лена работала секретарём-машинисткой в одной из контор, которых в городе насчитывалось много.

И другие артисты работали в разных сферах. Главного героя, Сергея Луконина, играл экскаваторщик Михаил, Нина Семёновна – в пьесе преподаватель французского Сюлли – работала экономистом, а Аркадия Бурмина, брата Вари, играл мой коллега, учитель Николай Тихонович.

И только Арсен учился в Университете на факультете культуры и искусств и готовился стать режиссёром. Для Арсена народный театр был хорошей практикой для его будущей профессии. Но в любом случае, театр, как сказал однажды наш режиссёр, – это чудо, где люди избавляются от проблем и нервных потрясений.

– Влияние искусства на развитие личности невозможно оценить, – убеждал нас Борис Михайлович. – Широкий кругозор, который вы приобретаете здесь никогда не помешает ни в вашей жизни, ни в работе, где бы то ни было. А главное – сцена повышает уверенность в себе.

Уверенность в себе – этого мне как раз и не хватало…

Репетиции шли почти каждый день, потому что директор клуба требовал выпустить спектакль к празднику 7 Ноября. У меня чтото получалось, что-то не получалось, но, в общем, я сам чувствовал, что в артисты не гожусь. У меня не было той раскованности, а, может быть, и некоторой наглости, которой должен обладать артист, и я, например, не умел вовремя рассмеяться, выразить удивление, гнев или испуг. По этому поводу Арсен сказал, что актёрское мастерство невозможно постичь без правильной мимики лица и что для этого существуют специальные упражнения, уроки и тренинги. Он принёс мне учебник, из которого я вынес понятие о том, что обычная улыбка означает дружеский настрой, искривлённая улыбка свидетельствует о нервозности, улыбка без подъёма века является знаком неискренности, а улыбка в отсутствии моргания сопряжена с угрозой и так далее. Из учебника я, к своему удивлению, узнал, что мужская улыбка фальшивее женской и не всегда соответствует истинному психологическому состоянию мужчины.

Но всё это я принял больше с психологической точки зрения, чем с актёрской, решив, что совсем неплохо разбираться в мимике, которая раскрывает истинную суть другого человека и помогает многое о нём узнать. Ведь всегда не лишне понять, что перед тобой лжец, если у него напряжены все лицевые мышцы и каменное лицо…

Все другие театральные премудрости мне были не интересны, и я лишь из любопытства пролистал страницы, не особо вникая в смысл написанного…

– Станиславский говорил, что голос должен петь в разговоре, звучать по скрипичному, а не стучать словами, как горох о доску, – учил Дмитрий Михайлович, и мне казалось, что он смотрит на меня, потому что я был

уверен, что только у меня слова как раз и стучат как горох о доску.

– Сценическая речь – это средство выразительности актёра и воплощения драматического произведения, – с тоской добавлял бедный режиссёр…

Наконец настал день генеральной репетиции, которая прошла, по словам Бориса Михайловича, удовлетворительно.

– Всё неплохо. Завтра в семь вечера показываем спектакль в танковом училище, – и ко мне: – А вы, Володя, если не стушуетесь, то будет успех.

И с этого момента у меня начался «мандраж». И здесь уж никакие мои паранормальные способности не могли помочь. Я всё время представлял, как буду стоять столбом или ходить по сцене словно зомби и произносить деревянным голосом свой текст. Единственным утешением было то, что слова роли я забыть не мог. Уже на втором чтении Борис Михайлович с удивлением заметил: «Володя, а вы, я смотрю, свой текст знаете наизусть» и похвалил за усердие, поставив меня в пример Михаилу и Нине Семёновне («вот как нужно относится к своей роли»). Только я не сказал режиссёру, что так же хорошо знаю на память всю пьесу, хотя смог прочитать её всего один раз…

Из танкового училища за нами прислали автобус, и за час до начала спектакля нас у КПП встречал замполит с младшим офицером. КПП примыкал к двухэтажному зданию, обращенному к аллее славы с мемориалом, танками и бронемашинами, и окрашенному в такой же салатовый цвет, что и Дом культуры строителей, и это показалось мне хорошим знаком. Нас провели в комнату посетителей, где мы оставались недолго. После сверки со списками мы на том же автобусе миновали въездные ворота и, проехав по широкому плацу, остановились у одного из корпусов военного городка. И всюду видели танки: казалось, вся территория утыкана танками.

– Они, наверно, и в магазин на танках ездят, – пошутил Арсен.

Попетляв по коридорам, которыми нас вёл замполит вместе с младшим офицером, мы оказались в довольно просторном зале мест на пятьсот, с большой сценой, как я отметил, не хуже, чем в нашем Доме культуры.

Здесь нам и предстояло выступать.

К началу спектакля зал заполнился до отказа.

– В первом ряду офицеры с жёнами, а дальше сплошь курсанты, – сказал Арсен, посмотрев в дырку занавеса, специально проделанную не иначе как мудрым худруком художественной самодеятельности училища.

– Там дальше ещё женщины сидят, – добавила Лена.

– Небось, обслуживающий персонал, – предположила Нина Семёновна.

Сплошной гул голосов в зрительном зале заставлял меня волноваться и вогнял в ступор, поэтому я в зал не смотрел.

Незамысловатые декорации быстро расставили с помощью двух курсантов. Прозвучал звонок школьного колокольчика, в который звонил сам Дмитрий Михайлович, и спектакль начался.

Я смотрел на сцену, нервно слушал, как говорят свои роли артисты, но смысл до меня не доходил. Я слышал аплодисменты, артисты уходили со сцены и входили, а я ждал своего выхода в третьем акте.

И вот как в тумане до меня доходят слова Гулиашвили Аркадию: «Ну, значит, нам с тобой, дорогой, сегодня ночь не спать, как завтра лучше гостей угостить – думать».

Я слышу со всех сторон: «Севастьянов, Севастьянов», и меня выталкивают на сцену:

Я (убитым голосом): Можно?

Сергей: Входи, Севастьяныч, знакомься!

Я: Севастьянов.

Варя: Варя.

И я молча смотрю на Варю.

Это всё прошло гениально, так как я заикался, бледнел и краснел, и это выходило натурально и так соответствовало характеру моего героя, что зал взорвался аплодисментами, и, наверно, за меня порадовался Борис Михайлович.

Но за третьей начиналась четвёртая картина, где я должен был играть уже оправившегося от смущения Севастьяныча, а я оставался тем же растерянным недотёпой, что было здесь совершенно неуместно.

И в зале начался тихий ропот, а потом раздался чей-то свист. В конце концов, Севастьянов был офицером. Да, стеснительным и скромным, но вместе с тем решительным и смелым, а, может быть, даже героем, если дойдёт до дела.

Короче, Станиславский бы сказал: «Не верю!». И чем дальше, тем больше я становился похожим на брата Вари – Аркадия. Но он же учёный, носил очки, и ему недотёпой быть не возбранялось. Наоборот, его образ подчёркивал мужественность отважных танкистов. А я не играл, а мямлил, так что получилось два Аркадия…

– Дорогой, – пошутил после спектакля Арсен. – Тебя бы при Сталине расстреляли.

– Это за что же? – заступилась за меня Нина Семёновна.

– За то, что сознательно исказил образ советского танкиста, – засмеялся Арсен, похлопал меня по плечу и сказал: – не бери в голову, со всеми бывает.

К моему удивлению, Борис Михайлович меня не ругал.

– Вы, Володя, не расстраивайтесь. И у маститых бывают провалы. А вы, тем более, играли впервые…

А в целом, спектакль прошёл с успехом. Спасибо всем.

Это уже относилось ко всем артистам.

Сам же Борис Михайлович был незаурядным актёром, в чём я убедился, посмотрев несколько спектаклей с его участием. Отдавая дань таланту этого артиста в газетной публикации по случаю его юбилея говорилось:

«Природа Каширина сопротивлялась плоским характерам, ему важно было уловить в образе какую-то деталь, едва заметный намек – признаки возможной индивидуальности… Этот талантливый актёр владел тайной «всесторонности», умел исследовать сущность человека во всей сложности социальных связей, создавать своих персонажей объемными, вызывавшими у зрителей самые разнообразные чувства… Как художнику, ему были свойственны обостренное общественное ощущение себя в искусстве, энергия созидания, истинное творческое горение».

В общем, звания «народных» кому попало не дают.

Владимир МАКАРЕНКОВ

Макаренков Владимир Викторович – поэт, публицист. Родился в 1960 году в Смоленске. Окончил МЭИ. Служил в армии, работал в НИИ и на заводе, служил в пенитенциарной системе, полковник внутренней службы в отставке. Автор восьми книг стихотворений, аудио-альбома «Я родом из шестидесятых» (радиопостановка поэмы «Таборная гора», стихи, песни), публицистической книги «Тюремные записки» и публикаций в периодике. Лауреат литературных премий им. А.Т. Твардовского, им. М.В. Исаковского, им. Н.И. Рыленкова (Смоленск и Тюнино Брянской области), «Навстречу дня» им. Б. Корнилова, Южно-Уральской литературной премии. Председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей. Член Союза журналистов РФ, ответственный секретарь газеты 144-й гвардейской мотострелковой Ельнинской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии. Главный редактор литературного альманаха «Под часами». Живёт в Смоленске.

МОЛОДИЛЬНЫЙ СВЕТ

(из стихотворений о любви)

* * *

Я провожать иду другую,
Иду, а сам тебя ревную
И представляю: где-то там
Ты обо мне совсем забыла,
Другого парня полюбила,
И все звонки твои – обман.

Я возмущаюсь, негодую,
Смотрю сердито на другую.
Но в чём виновница она,
Когда с утра – капели с крыши,
И видно, как деревья дышат,
И слышно, как звенит весна?

* * *

В доме тихо, в доме пусто.
Грусть в узорах на ковре.
Без тебя всегда мне грустно,
Как собаке в конуре.

Я в окно смотрю тоскливо,
А на волю не сбегу.
Я волшебное огниво
Нашей встречи стерегу.

Ты жена мне, не невеста.
Но годам всем вопреки,
Как ударит дверь подъезда,
Я уж слушаю шаги.

Звук их знаю, а в итоге
Неожиданно всегда
Возникаешь на пороге
Ты, как в сумерках звезда.

И готов я встать на лапки,
И в глазах ищу вопрос,
И несу поспешно тапки,
Как послушный верный пёс.

***

Возле леса, возле озера –
Чище летнего дождя,
Там, где небо – как молозиво,
А природа – как дитя,
По кирпичику, по досточке,
Мастерком да молотком
До последней самой полочки
Я построил дачный дом.
Пахнет соснами и клевером.
Обдувает ветерком.
По-соседски с каждым деревом
В ближней роще я знаком.
Губы вымазаны ягодой.
Горкой сложены грибы.
И ко мне под райской радугой
Ты выходишь из воды.

***

День наполнен снежным светом.
Отражает солнце снег.
Грусть под ангельским запретом.
Улыбайся, человек!

Улыбайся всем прохожим,
Голубям и воробью.
Настроением погожим
Взбудоражь свою семью.

Дорогая, улыбайся!
По лицу – фотонный град.
Утром тихо разорвался
В небе солнечный снаряд.

В снежных залежах снежинки
Электричеством искрят.
И в твоих глазах смешинки
Голубым огнём горят.

Как под током сердце бьётся.
Миг – и вечность отворю.
Я тебя, как снег и солнце,
До бескрайности люблю.

* * *

Легко ли быть листве листвой,
Когда – то зной, то мир завьюжен?
Легко ли быть самим собой,
Когда другим такой не нужен?

Любимая, прошу, позволь
Собой мне быть с тобою рядом.
Прими излом души и боль,
Её убавь согласным взглядом.

Пусть кто-то бросит на бегу:
«Чудак, погрязший в заморочках!..»
Но ты-то знаешь, я не лгу
Ни словом в выстраданных строчках.

Стихами видя далеко,
Я заглянул за полог света:
Да, быть поэтом нелегко,
Труднее быть женой поэта.

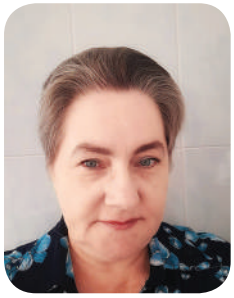
РОМАНС

От мира земного мне надо немного:
Творящего слова извечного Бога.
Но больше всего, как дыханье,
мне надо
Сиянья родного счастливого взгляда.

Я вынесу стойко все горние грозы,
Но сердце не выдержит женские слёзы.
Не стоят все муки судьбы одержимой
Одной драгоценной слезинки
любимой.

А годы, излившись, уносятся слепо,
Яснее становится вышнее небо.
Господь наш, когда я на суд твой
прибуду,
Даруй повторение женского чуда.

Елена ОРЛОВА



Орлова Елена Анатольевна. Родилась в 1962 году в Смоленске.
Окончила Смоленское областное музыкальное училище, филологический факультет Смоленского государственного педагогического института. Автор восьми книг стихов и прозы. Печаталась в журналах, коллективных сборниках, литературных альманахах, в сетевых изданиях.
Живёт в Смоленске. Член Союза российских писателей, руководитель литературного объединения «Среда» имени Р.А. Ипатовой.

И МИР БЫЛ ЛЮБОВЬЮ СОГРЕТ

***
Наш мир – всего лишь тёмная игра,
В которой роли выбраны не нами:
Влекут кого-то блеск и мишура,
Кого-то – Небеса над головами.

***
Вечер, падая с облаков,
Синей шапкой город накрыл:
Короба бетонных домов –
Монументы братских могил.

Смыслы прятались между строк,
И ужом подползала весть:
Кто не сможет найти Исток,
Навсегда останется здесь.

***
Рваные края облаков
Алой нитью штопал закат.
Пепел отшумевших веков
Серебром покрыл циферблат.

Время сквозь пространство текло,
Растворяясь в вышних мирах –
Там, где звёзд цветное стекло
Росами сияло в полях,

Где, укрывшись тёплым крылом,
Благодатью боль исцеля,
Спал Творец, и в сне голубом
Новая рождалась Земля.

***
Смотрю назад, на жизнь мою,
Как будто бы прощаясь с нею.
В вечернем небе звёзды тлеют,
Подсвечивая колею.

Дорога кончилась давно.
Тропа – всё круче и труднее.
А звёзды – ближе и роднее,
И главное – обретено.

***
Расставить все точки над «и»
Наивная Юность хотела,
Но делала всё неумело,
Ведь опыт… маячил вдали.

Сломать, перестроить, урвать
Мечтала кипучая Зрелость.
Ей больше и больше хотелось,
Но где ж столько времени взять?

Достойно итог подвести
Мечтала премудрая Старость,
Не ведая, сколько осталось
И где же ей силы найти.

А Детство смотрело им вслед
Открытым доверчивым взглядом,
И счастье, назло всем преградам,
Летело к своим адресатам,
И мир был Любовью согрет.

Зеан КАГАН

Зеан Самуилович Каган родился в 1953 году в Оренбургской области. Окончил медицинский институт, практикующий врач (эндоскопист, оториноларинголог).
Автор книги «Прошение о помиловании. Пьесы, стихотворения» (М.; 2008).
Публиковался в журналах «Театр», «День и Ночь», еженедельнике «Новое русское слово – Weekend» (Нью-Йорк), литературных альманахах Смоленска, Оренбурга, Курска, региональной периодике.
В 1990-е и 2000-е годы – автор и ведущий ряда программ регионального телевидения и радио. Лауреат 1-го сетевого конкурса моноактёрских пьес «Человек». В радиоспектакле по собственной пьесе «Дверь» (ГРК «Голос России»; 2008) выступил как режиссёр и исполнитель главной роли.
Член Союза российских писателей. Живёт в Смоленске.

ПРОСТО СЛОВА

ВИВАЛЬДИ

Средь душной, пустой недели
Грозой налетели скрипки.
От светло-высокой трели
Стало легко и гибко.

Ливень гремел по крыше.
Маэстро, насмешник рыжий,
Скользил над моею болью
Бешеной канифолью.

Я думал, это спасенье.
Я воздух пил исступлённо —
Воздух, словно озоном,
Насыщенный вдохновеньем…

Но музыка вдруг умолкла,
Последним рванув аккордом.
Ветром, разбившим стёкла.
Петлёй, захлестнувшей горло.

Девушка Осень

Девушка Осень
в коротеньком выцветшем платье
плечи твои загорелые
не целовать мне

Женщина Осень
зачем своё дивное тело
в сей златотканый наряд
ты убрать захотела

Бедная Осень-старушка
ну что ж теперь плакать
мощи казать из лохмотьев
размазывать слякоть

Скоро на хладном одре
под ветра и льдинок челесту
будешь лежать в белоснежном
уборе невесты

ФИЛОСОФИЧЕСКИЙ НОКТЮРН

Л. Кузьмину

За стеклом – почившая окрестность.
Глянешь – ночью тешиться иным бы –
свет от фонаря утратит резкость,
и луна обзаведётся нимбом...

Этот мир оплакать ты не вправе.
Сам себя – не больше в том резона.
Там, в конце пути, на переправе,
закурить попросишь у Харона.

Предоставив искре кануть в Лету,
он печать поставит в подорожной –
в списке неисполненных обетов,
тяжб напрасных и страстей
ничтожных.

И ступив в ладью его гнилую –
ни слезы, ни страха, ни томленья, –
будешь плыть, не каясь, не взыскуя.
Будешь плыть – во сне...
или в прозренье?

И очнувшись, в бденье до рассвета
ты поймёшь: исчерпанность сюжета
вовсе не равняется финалу,
Этим не утешившись нимало…

ALL THAT JAZZ

Дмитрию Монахову

Потерявши скрипку,
по конским каким-то там волосам
не плачь. Не ищи спасенья в оркестре.
Не пеняй дирижёру. Взоры
не устремляй к небесам –
не найти своё имя в запутанном
том реестре.

Даже когда захлопает тебе зал
сиденьями – не спеши,
не сбегай с подмостков.
Не говори: занеможилось. Не говори:
устал
от всей этой музыки... Просто

выдохни. Оправь, коли есть, пластрон.
И, над мелодией скорчившись
знаком вопроса,
чтобы проезжий какой-нибудь
корнет-а-пистон
не сбондил глупую вот так,
из-под носа,

веди её. Неважно, имеешь в виду
Аве, Мария ли, Бесаме мучо, –
пари над миром, гори в аду,
её, единственную, лаская и муча.

И когда она вырвется из губ твоих
и из рук
и, презрев пространство, заменит
время собою,
и не будет музыки, только звук,
и чистотой этот звук сравняется
с тишиною, –

вот тогда, перед тем, как взорвётся газ
или в бок перо или тромбон подавится
ретивое,
ты поймёшь, для чего был весь
этот джаз.
Суета вся эта. Всякое, в общем, такое.

Леонид КУЗЬМИН

Леонид Алексеевич Кузьмин родился в 1947 году в Москве. С 1966 года постоянно проживает в Смоленске и с этого же времени неразрывно связан со Смоленским государственным университетом, в котором ныне является доцентом кафедры английского языка. Кандидат филологических наук, автор более ста научных работ.
Член Союза российских писателей, автор двенадцати поэтических книг. Стихи публиковались в Москве, Омске, Нижнем Новгороде, в Болгарии и Польше.
Кавалер Ордена дружбы и лауреат премий имени М.В. Исаковского (2013) и Н.И. Рыленкова (2019), а также областных литературных премий.

НА ПОРОГЕ ЗИМЫ ХУДОСОЧНОЙ

***

На пороге зимы худосочной
Я стою, всепогодно одет.
Все дела переделаны срочно,
Хоть сто лет им сегодня в обед.
Я поеду – проведаю белок,
Заскучавших совсем без меня.
Потреплю восьмерёночный велик,
Как родного хромого коня.
Полистаю забытые книги,
Удивясь, сколько нового в них.
Сквозь стакан полюбуюсь на блики
Печки той, что когда-то воздвиг.
И усну, понимая, что сделал,
Знать, не худшее в перечне дел.
Потому в снах гуляю я смело,
Проживая, что здесь не успел.

***

Жёлтыми утками на воде –
Усталые листья каштанов.
Об осени, как об общей беде,
Думаю я непрестанно.
Ах, Лира, Денеб, Альтаир,
Ваш треугольник – как клин журавлиный,
И Пушкин осенний зачитан до дыр
Меж клёнов горящих и свечек-осинок.
Но зиму пока ещё рано встречать
И рифмы рядить её камуфляжем.
С листьями я отправляюсь гулять
По паркам пустым и по пляжам.

***

Я – старый ветер, знающий в лицо
Младые облака, летящие беспечно.
Я – поздний путник, восходящий на крыльцо.
Я – звук неясный из забытой речи.
И жизнь давно уж обрела свой смысл,
Который мне и добрым людям ведом.
И он не в том, что след свой проторили мы,
А в том, чтоб кто-нибудь пошёл по следу.

ДОМ

Как скучен дом без скрипа половиц,
Без хлопанья дверей и крыльев птиц,
Без муравьев и без мышей,
Без визга резвых малышей,
Без стёкол – вдрызг и без кривой трубы,
Ну а ремонту – если б да кабы…
Я у друзей гостил, бежал потом:
Я видел чистый, мёртвый дом!

***

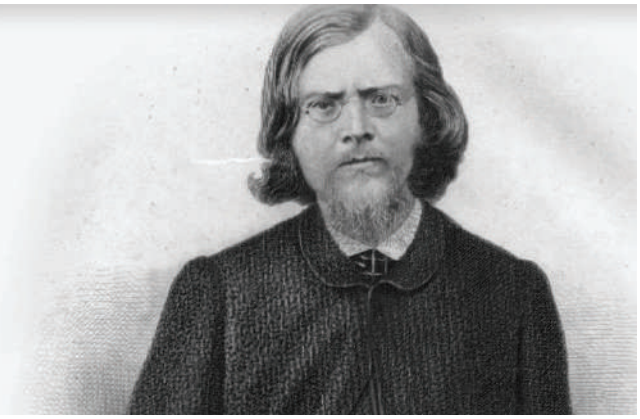
Убереги, судьба, от склоки
С самим собою и судьбой.
Пускай напитком дивным строки,
Не опьянив, меня поднимут в бой
И нагадают, может быть, немного:
Смерть с чистой радостью в душе –
За то, что не кривил, торя дорогу,
И за звезду – сквозь дырку в шалаше…

БАБУШКИ

Бабушки-вдовы
Надели понёвы,
Пошли на базар,
Где дешевле товар.
Долго ходили,
Судиди-рядили,
Цены читали –
Только устали.
Но всё ж принесли
Незатейливой снеди,
Их даже за что-то
Хвалили соседи…
Но не тому
Улыбались, войдя:
Их с фотографий
Хвалили мужья!

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

Премия Александра Левитова



В Липецке состоялось серьёзное литературное событие: Всероссийский литературный фестиваль «ЛевитовФЕСТ». На него были приглашены финалисты премии им. А.И. Левитова из разных регионов России. Несмотря на то, что я уже второй год вхожу в жюри этой премии, в прошлом году на фестиваль я приехать не смогла.

В этом сезоне мы с Г.Н. Майоровым, председателем Орловского регионального отделения СРП, были заявлены мастерами семинара прозы для молодых авторов. Липецк встретил нас проливным дождём, пробежка от автомобиля до здания филармонии Унион стала целым приключением. Зато открытие фестиваля было очень тёплым. Было сказано много добрых слов как организаторами, так и гостями с разных концов России. Выступления членов жюри перемежались музыкальными и хореографическими номерами местных творческих коллективов. Также можно было прослушать лекции по литературоведению, познакомиться с творчеством и иногородних, и липецких авторов в музыкальной гостиной.

Ну а мастеров и участников семинара ждала напряжённая работа. Отрадно было увидеть, как ребята подготовились к обсуждению друг друга: у кого-то были распечатки с пометками, у кого-то — скриншоты в планшете, были и обстоятельные письменные отзывы. Хочу отметить высокий уровень работ и доброжелательность. Порой нас удивляли темы, выбранные для творчества. Но и радовала смелость, что «замахиваются» на повесть и роман. Молодые писатели из Санкт-Петербурга, Москвы, Ульяновска, Брянска, Уфы за эти два дня сплотились в единое целое. Казалось бы, ну что долго говорить о коротком рассказе?! Но мы так увлеклись, что и к вечеру второго дня готовы были продолжать. Лучшие рассказы мы отобрали для публикации в журнале «Новый Орёл + XXI век».

Но не прозой единой жив человек. Успели участники фестиваля и выпить минеральной воды из бювета, и попробовать липецкое мороженое, и послушать интересную экскурсию, как царь Пётр бывал в этих местах (материалы о Петре I можно посмотреть в № 5 Альманаха «Тургеневский бережок»). Финалом же фестиваля стал праздник в селе Доброе, на родине А.И. Левитова, где и были объявлены итоги премии. В этом году по 25000 рублей получили четыре автора: в номинации «Открытие» (18-40 лет) — поэт Александр Рухлов из Кургана и прозаик Ирина Сотрихина (Родионова) из Новотроицка Оренбургской области; в номинации «Мастер» (старше 40) — поэт Ирина Чуднова из Китая и прозаик Роман Сенчин, ныне живущий в Екатеринбурге.

Огромную работу проделал оргкомитет фестиваля (А. Пономарёв, А. Лошкарёв, Е. Иванова, В. Татур, А. Воробьёва), помощь оказывали: управление культуры и туризма Липецкой области, управление молодёжной политики Липецкой области, администрация Добровского района, Совет молодых литераторов СПР. Но ничего этого не было бы без Анны Харлановой — идейного вдохновителя премии. Она человек удивительный: пишет и стихи, и прозу, и книги для детей; воспитывает сына и дочь, ведёт детскую литературную студию, помогает мужу в бизнесе, занимается фотографией, путешествует и т.д. Хочется поделиться с читателями журнала стихами Анны Харлановой о родном селе, о детстве и пожелать сил на всё задуманное!

Наталия ЕЛИЗАРОВА

В Добром, у бабушки

Здесь будет всё, как в детстве, для меня:
За окнами — сосульки на полметра,
И круглый циферблат крути, звоня
Соседям, свято верящим в приметы.
В сугробах вязнет чей-то рыжий кот,
И многоточие его следы рисуют.
А дым из труб тихонечко идёт
И превратиться в облако рискует.
На подоконнике лежит вчерашний хлеб,
На полке — чашка с выщербленной ручкой.
И чебуреки будут на обед:
Их очень любят правнучки и внучки.

Лоскутки

Наконец-то мороз и его обжигающий запах:
Если крепко вдохнуть, то не холодно, а горячо!
В небе звёзды скрипят. И я знаю, что если заплакать,
На ресницах намёрзнет, а нос всё равно потечёт.
Серый дым из трубы тонкой струйкою тянется в небо.
Скоро в гости зайдём, где за печкою прячется кот,
И меня угостят молоком и распаренным хлебом,
А старушка для кукол моих лоскутки принесёт.
Что за чудо-подарок! Зелёный, бордовый и синий,
Скользкий шёлк, тёплый бархат в цветах кружевных.
Сколько зим пронеслось! Я забыла фамилию, имя,
Лоскутки потерялись — мороз мне напомнил о них.

Новый сезон премии стартует 1 декабря 2022 г. Подробности на сайте www.levitovfest.ru

Дмитрий ЛАГУТИН

Лагутин Дмитрий Александрович. Родился в 1990 году в Брянске. Член Союза писателей России. Победитель международного конкурса «Всемирный Пушкин» в номинации «проза» (2017, 2018 и 2021 год). Лауреат премии «Русские рифмы», «Русское слово» в номинации «Лучший сборник рассказов» (2018 год). Тексты опубликованы в изданиях «Знамя», «Москва», «Новый берег», «Нижний Новгород», «Волга», «Нева», «Юность», «Урал», «Дальний Восток», «ЛиTERRAтура», «День литературы» и др. Лауреат премии журнала «Нева» (2021 год). Рассказы переведены на китайский и немецкий языки.

ГНЕЗДО

Дед стоял за печь горой. «Не позволю!» – стучал он кулаком по столу и грозил длинным крючковатым пальцем. Отец хмурился, тёр виски, но против деда не шёл. Мать не вникала.

Печь занимала треть кухни – белая, тёплая и мягко-шершавая, будто намелованная. Гости шарахались от неё, боясь за пиджаки и свитера. Дед смеялся над ними и хлопал по тёплым бокам, демонстрируя чистые ладони.

На печь можно было забраться по узенькой лесенке сбоку и устроиться под самым потолком на цветастом одеяле, в горячем и сухом «гнезде». Так говорил отец. Из гнезда можно было наблюдать за происходящим на кухне: например, за тем, как кот пытается стащить со сковороды отбивную, а мать гоняет его полотенцем, или за тем, как спорят затемно отец и дядя, поглощая в жутких количествах терпкий чёрный чай. Дядя шевелил усами, горячился и яростно жестикулировал, а отец откидывался на стуле, складывал руки на груди и посмеивался. В гнезде можно было дремать, укутавшись; можно было прятаться ото всех, вжавшись в стену и затаив дыхание; можно было листать истрёпанную, пыльную книгу.

А дед в гнезде слушал радио.

Зайдёт на кухню, под мышкой личное сокровище – древний увесистый радиоприёмник под дерево с вытягивающейся вверх антенной и отломанным регулятором громкости. Повертит головой, покряхтит, вытянет из хлебницы пару сухарей. Потом вздохнёт – и давай карабкаться по лесенке, охая, ахая, хрустя суставами. Устроится в гнезде, завернётся в одеяло, поскребёт бороду, щёлкнет приёмником и прижимает его к уху, иначе не услышать ничего. Чинить не даёт, боится. «У вас, – говорит, – руки кривые. Вам такой тонкий инструмент доверять нельзя».

– Выкинь ты свой тонкий инструмент, батя, – смеётся отец, – рухлядь же. Мы тебе новый купим, японский.

– В голове у тебя рухлядь, – отвечает дед, – а радио не трожь. В японском души нет, а сей мне прилюбился уже.

Отец все смеётся, не спорит.

По негласным правилам деду касательно гнезда предоставлялось безусловное преимущество. Если он заставал на печи нас с братом, то шикал, делал страшное лицо – и мы исчезали.

Радио дед мог слушать ночами напролёт. Покрутит ручку, найдёт волну, прижмётся к коробке – и замирает. Тогда кругом него хоть земля трясись, ничего не видит. Дядя зайдёт, поздоровается, а дед не отвечает – весь там. Ночь на дворе, свет погасят, тихо… Только и звуков, что кот ворочается в углу, в печи что-то потрескивает, да дед сопит из-под потолка. А то возьмёт да и захрапит – раскатисто, с переливами. Отец тогда выходит из комнат, расталкивает старика, уговаривает перебраться в постель. Дед спросонья ворчит, но соглашается – сползает по лесенке, ковыляет к себе.

Однажды зимой, ближе к вечеру, спрятался я в гнездо. Выжидаю. Зашла мать, помыла посуду. Постояла у окна. За окном яблоня, за яблоней сарай, за сараем забор, а там небо в облаках. Солнце заходит уже, выглядывает из-за забора, разливается огнём. Всё белым-бело, на сарае снежная папаха. Облака ну прямо горят. Хорошо. Мать постояла – постояла да и ушла.

За окном пробежал с соседскими мальчишками брат. Летят снежки, слышен хохот. Я жду.

Появился кот. Прошагал деловито до обеденного стола, запрыгнул, обнюхал. Перебрался на подоконник, уселся носом к стеклу – наблюдает.

В печке трещит тихонько. Солнце – за забором уже, а облака всё горят. Жду.

Зашёл отец, выпил воды, сел у окна. Потрепал кота по спине, пробормотал что-то задумчиво. Уходя, подмигнул мне. Конспирация провалилась. Но это отец, от него не спрячешься.

Жду деда. Над забором небо ещё пылает, но выше – густая синь. Яблоня гладит голыми ветвями крышу сарая, на папахе остаются борозды. Кот сидит неподвижно, наблюдает за редкими снежинками, которые ползут сверху вниз. Я наблюдаю за котом. Наблюдаю, наблюдаю, да и засыпаю, размякший от тепла и тишины.

Просыпаюсь от голосов.

– Не позволю! – скрипит дед и стучит кулаком.

Он сидит на табуретке и вертит в руках приёмник. Горит лампа, за окном темно. Напротив деда сидит отец, пьёт чай. От чая вьются ниточки пара, отец дует на кружку, цедит понемногу.

– Батя, – басит он, – ну на что она тебе?

– Не позволю, – бубнит из-за бороды дед. – Вот помру – хоть весь дом разбирайте!

– Так ведь и соседи уже смеются, ни у кого такой нет.

– Пущай смеются.

– Что ж ты так упёрся-то?

– Захотел и упёрся. Твой дед эту печь ставил, душу вкладывал. Погляди, как мальцам она по душе, – тычет пальцем на меня. Я юркаю обратно.

Отец вздыхает.

– Чудак ты, батя, стал, – говорит, – совсем чудак.

Дед не отвечает, вертит приёмник. Потом зевает, встаёт и шаркает к печи.

– Слезай, шелупонь.

Я тру глаза и соскальзываю вниз. За мной увязывается кот, пытается прошмыгнуть в комнаты. На пороге оборачиваюсь и вижу, как дед жмётся ухом к приёмнику. Его лысая макушка, голая и ровная, как шар, блестит в свете лампы.

Кот воспользовался моим замешательством и просочился-таки вглубь дома.

Той ночью меня разбудил грохот: дед, слезая с печи, оступился и упал с лесенки. Сломал руку. Пока отец собирался и грел машину, дед сидел на кровати и тихо постанывал. Мать кружилась вокруг него, поднося вещи, воду, помогая влезть в куртку.

Вошёл в комнату отец – в верхней одежде, не разувшись.

– Марш спать, – приказал он нам с братом.

Взял деда под локоть и повёл в коридор.

Когда они уехали, мать зашла к нам и сказала:

– Я к соседке. Ненадолго. Спите. Или со мной пойдёте?

Мы к соседке не хотели.

– Ты за старшего, – сообщила мать брату и ушла.

Воцарилась тишина. В комнате деда горела лампа, и у нас, с открытой дверью, было совсем светло. Я не мог спать. Ворочался, мял подушку, а потом тихонько встал.

– Ты куда? – спросил сквозь сон брат.

– В кухню, – и я зашлёпал босыми ногами по полу.

Из-за окна лилось сквозь занавески холодное белое сияние, но в кухне всё равно было темно. Я зажёг абажур и уселся за стол. В печи тихонько трещало. На подоконнике, свернувшись калачиком, дремал кот. В углу, под табуретом, лежал одиноко приёмник с погнутой антенной.

Я поднял его, приложил к уху – шипит неразборчиво. Погасил абажур, сунул приёмник под мышку и полез на печь.

В гнезде было по-обычному жарко и сухо. Я вжался в угол и поднёс приёмник к лицу. Его пересекала белая полоса с цифрами и чёрточками. По полосе, если крутить ручку, полз маячок. Я принялся двигать его вправо-влево, то и дело прислушиваясь. Звук был ужасно тихим – ничего не разобрать. Наконец маячок добрался до какой-то заветной чёрточки – и до моего слуха донеслась более-менее отчётливо музыка. Я приник к гладкому пластиковому боку. Пели про пальмы, море и закат. Кухня плыла серебряными бликами, мерцала таинственно. Меня здорово разморило, я подтянул к подбородку одеяло и укутался в него.

После песни про пальмы диктор со смешной фамилией принялся монотонным голосом читать историю про какого-то мальчика, которого везли через степь в город. Мальчик сперва ехать не хотел и плакал, а потом только скучал и бродил по округе на привалах, а вокруг него суетились какие-то люди – приятные и не очень.

В глубине печи потрескивало, где-то в противоположном углу кухни завёл свою песню сверчок.

А мальчик всё ехал и ехал в своей телеге. День сменял ночь, вокруг кричали птицы, лаяли собаки, разговаривали, считая деньги, люди. Я сперва слушал внимательно, потом куда-то поплыл и не заметил, как уснул. Снилось мне, что я еду через степь и рядом со мной сидит дед. Он то и дело поворачивается, улыбается из-за бороды и показывает торжествующе ладони – то ли чтобы продемонстрировать их чистоту, то ли чтобы сказать, что с рукой у него всё в порядке. Степь застелена ровным слоем шуршащей травы, вдалеке темнеют на фоне неба холмы. С неба тянется редкий снежок, тает, не касаясь земли.

Наутро отец привёл домой рабочих, и они в два дня разобрали печь. Нам с братом до слёз было жаль тёплого гнезда – и мы плакали, сидя у деда на кровати. Дед здоровой рукой гладил нас по головам и бормотал что-то ободряющее.

Ирина КОЛЕСНИКОВА

Ирина Колесникова родилась в Москве. Окончила МГУ им. Ломоносова и МГИМО, преподавала в МГУ. Большую часть жизни работала журналистом – в Москве, Турине (Италия). Публиковалась в журнале «Театрал», издании Евросоюза «Европульс», на портале «Такие дела», работала корреспондентом РИА Новости в Госдуме. Автор сборника рассказов «После музыки». Публиковалась в литературных журналах: «Юность», «Пашня», «Prochtenie» и др. Член поэтического клуба МГУ. Победитель и призер многочисленных литературных соревнований, среди которых конкурсы «Стихия Пегаса», «Новая земля», премия им. А.И. Левитова, конкурс журнала «Prochtenie». Участник Большого Совещания молодых литераторов «Посадский экспрессЪ», арт-школы «Таврида», литературных семинаров «Мы выросли в России» и других писательских фестивалей и форумов. Руководитель конкурса короткого рассказа «Когда я вырасту».

ТАБА

Навстречу по гребню песчаного бархана несётся маленькая Айта – низ хлопкового платьица трепещет над загорелыми коленками, в сандалиях – жгучий песок. Кричит, улыбается. Ветер относит назад две чёрные косы, помогает двигаться сквозь раскалённый воздух.

Слева от бархана, испещрённого змейками песочных узоров, прохладная гладь Лены. Отражает оборки белых всплесков облаков в синеве – доброй, другой. Справа – шумные верхушки вековых кедров и пихт, тёмные перекаты смарагдового моря.

Айта машет руками. Кричит что-то – теперь обеспокоенно, изо всех сил. Показывает вперёд. Там нет ничего. Только песок, вода и тайга.

– Туох? Туох? – не слышит.

Падает на колени. Вскакивает. Совсем близко, сейчас добежит.

Тут Клава проснулась. Убогая мебель, скамейки со старыми одеялами, грязные занавески. А за ними – решётки.

Вообще-то звали её сложным величавым именем Олээне – три года назад. Теперь она была бабой Клавой. Вставала в тёмной мороси московской ночи, разминала застывшие суставы, грела на облупленной плите, от которой на кухне всегда стоял душный запах газа, чайник с водой. Одевалась в потрёпанное пальто с чужого плеча, брала в руки сумку с картонкой и шла к глубокому зеву подземки, где она проведёт и этот день. Доезжала до своей станции, выходила. Привычно клала сумку у колонны посреди пустого перехода. Доставала картонку, садилась.

В Москву приехала, как и все – на заработки. Удивилась своему везению, когда почти сразу на вокзале к ней подскочил паренёк в кожанке: «Работу надо?». Надо. «Всё чувствуют», – это она теперь знала.

По коридору потекли первые пассажиры, мрачные и сонные. Как стадо дурных после зимы таба, ищущих жидкую траву. Бегающие недобрые взгляды, стылые от раннего подъёма глаза, за которыми – боль и злость. Но в шесть утра это редкость. Злость – позже. В шесть утра – одни таба.

Ближе к восьми толпа становится живее: бабушки, спешащие с тележками на рынок; офисные работники, утомлённые своей жизнью; обречённые школьники с рюкзаками.

Мужчина в кашемировом пальто и очках в тонкой оправе наклонился, чтобы положить мелочь, заглянул в лицо. Не таба. Клава дёрнулась, хотела сказать, да так и замерла под сочувственным взглядом. Больше она не сможет.

Тело тяжело заныло от воспоминаний о досках, которыми её били на заднем дворе после той попытки сбежать. Привычной острой болью пронзило переломленное запястье. Наполнило страхом влажные стариковские глаза с прозрачным льдистым дном. А потом ушли, так и бросили не смеющую издать ни звука Клаву на заднем дворе с разрывающимся от крика телом. Знали, теперь не сбежит.

Поначалу она часто пыталась. Говорила с людьми в метро, рассказывала свою историю. Просила помочь. Кто-то откликался, звонил в полицию, покупал билеты или пробовал приютить на пару дней. И всякий раз находили, возвращали, снимали с поездов – та же полиция. И били – уже другие, на заднем дворе, постепенно наполняя старческое тело холодом – целиком, под завязку. Пока не сможет двинуться.

Били за всё – за маленькую «выручку», опоздание к вечернему расчёту, пролитый неловкими руками на кухне кипяток.

По вечерам Клава часто застывала перед облупленным боком старого эмалированного чайника, на котором был изображён олень. Широкие рога, белая шея. Закинул голову и смотрит куда-то вдаль. Уродливое чёрное пятно отколовшейся эмали не давало видеть дальше.

– Уставилась опять куда-то.

– На оленя своего смотрит, болезная. Ну, пусть-пусть.

Олень – парень-двухлетка, не важенка. Рога слишком большие. У важенок тоже есть, нужны для защиты выкопанного из-под снега корма от более сильных особей, но с рождением деток отпадают. Мохнатый чёрный нос, широкие ноздри, расходящаяся стрелка белёсых волос на лбу. Свалявшаяся от влаги и снега шерсть на груди и две янтарные капли у самых глаз. Будто солнечные блики кто уронил. И Олээнэ начала собираться.

Сволокла в сумку пожитки, которые удалось накопить за три года: пара свитеров, дырявые шерстяные носки – ещё из старой жизни, замусоленная открытка от внучки Айты: «Ты меня там, баба, не забывай. Я тебя жду». Денег не было, как и паспорта. Деньги отбирали.

От привычного рабочего места сегодня не тошнило. Шестичасовые таба, знакомый восьмичасовой набор из школьников, бабушек и офисников. Баба Клава не стала садиться, так и стояла в переходе, рассказывая людям, что едет к внучке, что надо сегодня, а денег нет. Пока не заныли ноги. А в водянистых глазах с точёной синей окаёмкой плескалось что-то новое, давно забытое. Как у оленя, пережившего зиму.

Самый чудной народ выбирался к часу-двум дня. Молодые избалованные жёны стучат каблучками – «куруускалар», гомонят компании крикливых полупьяных подростков, которым вечно не надо в школу. По переходу шествует панк лет тридцати с высоким жёлтым ирокезом на голове:

Там всё будет бесплатно, там всё будет в кайф.
Там, наверное, вообще не надо будет умирать.
Я проснулся среди ночи и понял,
Что всё идёт по плану.

«А ведь стар ты для этого касатик, нет? Устал, поди, без человеческого». «Касатик» приблизил лицо к смотревшей в упор бабе Клаве. Одутловатые складки на щеках, бесчувственная сталь глаз.

– Прорвёмся, бабуль, прорвёмся! – в лицо дохнуло утренним перегаром.

– Мне бы на билет до внучки, родной, на билет.

– Сколько?

Потом было мучительное выворачивание карманов. Звонки друзьям. Ругань в трубку. Когда они подошли к кассе и Коля узнал, что паспорта у бабы Клавы нет, выругался.

– Бабуль, ты чо? Вчера родилась?

Пошли договариваться с проводницей. Через час, когда баба Клава сидела на нижней полке плацкартного вагона, от глаз продолжали стремиться длинные прозрачные дорожки – как Лена, как Олээне. Она махала рукой желтоволосому Коле, который немного застенчиво переминался с ноги на ногу на перроне. Из внутреннего кармана кожанки торчала потрёпанная открытка от внучки. Поезд тронулся, Коля заметался вдоль вагона – почувствовал, что вместе с этой неприбранной старушкой из его жизни уезжает важное.

– Бабуль, как тебя зовут? – прокричал сколько было голоса в окно.

– Олээне, Олээне...

Перед глазами замелькали придорожные столбы – длинные ноги весенних таба. Почуяли тепло и несутся вдоль перелеска вперёд, в синеву. А им навстречу – маленькая Айта. Раскинула руки в стороны и кричит что-то, кричит. Смеётся.

Мария КОСОВСКАЯ

Мария Косовская — прозаик, сценарист. Автор повести «Козлиха» (издательство «Формаслов», 2020 и сборника коротких рассказов «Тазовое дно» (2022). Соавтор (автор текста) детских книг: «Приключения Тима в мире бактерий» (2018 г.) и «Приключения Тима в поисках потерянного аппетита» (2021 г.), издательство CLEVER. Публикации в литературных журналах: «Литературная учеба», «Волга», «Сибирские огни», «Гостиный двор», «Бельские просторы», «Знамя», «Этажи», «Новая Юность» и других.

ЗЕРКАЛО

Николая обсчитали. Вернее, не обсчитали, а принесли неожиданно большой счёт. Триста двадцать рублей за кофе. Николай напрягся. Хотя он и до этого был напряжён – официанты раздражали: долго несли кофе, ржали (он был уверен, что над ним), громко спорили, кому выходить на смену, а потом принесли астрономически-неадекватный счет. Но им показалось, что этих издевательств мало: его ещё обсчитали, давая сдачу. С пятисот рублей – только восемьдесят. Нет, он конечно, заметил, возмутился, пересчитал на калькуляторе, предъявил. Официант вернул сотню, извинился. Николай не мог понять, был ли это тот же, что его обслуживал, или другой. Все они казались одинаковыми, как пингвины: чёрные фартуки, рубашки, бабочки.

«Где только строгают этих буратино?» – с раздражением думал Николай, не зная, к чему бы ещё придраться. Обиженный, он вышел из кофейни и увидел большую латунную таблицу-меню на стене.

– Вот сволочи, – выругался он. И вошёл внутрь.

– Извините! – ядовито сказал он. – У вас там написано, что американо стоит двести, почему вы мне триста двадцать выставили?

– Цены подняли, а вывеску не сменили. Денег нет, – издевательски ответил официант, и по его ухмылке Николай понял, что это тот, с которым он уже имел дело.

«Дегенерат!» – подумал Николай.

Разъярённый, он выскочил, и, не застёгиваясь, побежал к переходу, рискуя простыть. Вдруг он понял, что его обманули. «Что ж я не додумался попросить меню? Этих тварей учить нужно. Врут, как дышат. Понятное дело, обокрали. А я, лох педальный, уши развесил. Табличку у них не поменяли. Суки!» – думал он, спускаясь в метро. Тут он не выдержал, развернулся и побежал вверх. Николаю приходилось бежать быстрее эскалатора, ехавшего вниз, но фантазии о скандале в кафе придавали сил. Воинственный настрой вынес его наверх, и уже у выхода он понял, что меню можно было посмотреть на сайте.

Набрав в смартфоне название кофейни, Николай убедился, что американо действительно стоил триста двадцать рублей. Всё в нём упало. Он был уверен, что его обманули. А тут выходило, что никакого злого умысла, что у них так заведено. Просто действительно очень дорого. «Охамевшее жулики, прощелыги», – думал он, понимая, что повода устроить скандал нет, надо смириться. Но хотелось дать официанту в морду, любому из них. Жаль только, что их шестеро, а он один.

Сидя в метро, Николай всё не мог успокоится, думал, как отомстить кофейне. Решил написать плохой отзыв и стал искать на различных сайтах другие отзывы на это кафе. Как назло, все были хорошие. Николай набрал в телефоне целую простыню обличающего официантов текста, но после пересадки на другую линию интернет сбросился и отзыв исчез. Николай со злости чуть не швырнул телефон об пол. Сдержался: всё-таки новый «Huawei».

Он вышел из метро и направился к магазину купить что-нибудь поесть. На тротуаре испуганно присела маленькая собачка. Николай хотел её пнуть, но из припаркованной машины вышла хозяйка:

– Митя, Митя, ко мне, – скомандовала она. Собачка, дрожа всем телом, побежала к ногам хозяйки.

«Митю она зовёт, – подумал Николай, – а Митя уже насрал на асфальт, кто-нибудь наступит, если по тротуару пойдёт. Что за люди? Что за страна?» Он брезгливо обошёл какашки, повернул в сторону торгового центра и увидел, что прямо на него двигается разъярённый мужик. Николай даже возбудился. Захотелось хрястнуть этому мужику по морде. Николай чуть выдвинул вперёд плечо, чтобы больнее задеть противника и спровоцировать на конфликт. Но в последний момент струсил, убрал плечо, правда, скорость не сбавил. Вдруг что-то с глухим бряком ударило его в лоб, мир кувыркнулся и перед глазами зазвездилось небо.

Николай сидел на земле, пытаясь понять, что произошло. Мимо безразлично шли прохожие. Падал мокрый снег. Два пацана лет двенадцати, курившие возле урны, бестактно заржали над мужиком, который впечатался в зеркальную витрину.

«Я патриот страны своей...»

Стартовал открытый многожанровый фестиваль-конкурс «Я – патриот страны своей, я – гражданин России!», организованный Орловским Союзом журналистов, при поддержке Администрации губернатора и правительства Орловской области, управления культуры Орловской области и г. Орла, Фонда поддержки семейно-ориентированных инициатив «Орловский социальный кластер» и «Орловской детской хореографической школы имени Э.М. Панковой».

В актовом зале хореографической школы председатель Орловского Союза журналистов и ОРО «Союз российских писателей» Геннадий Майоров вместе со своим коллегой Михаилом Коньшиным пообщались с молодым поколением: заострили внимание на значении патриотизма в нашей неспокойной жизни, рассказали о своей деятельности по поиску и обнародованию уникальных подвигов времён Великой Отечественной войны, коснулись и «украинской темы». Затем показали документальный фильм Игоря Свеженцева «Девичья пушка», ответили на вопросы.

Подводя итоги первого дня фестиваля, Попечитель Фонда «Орловский социальный кластер» Валерия Клычкова отметила:

– Я тронута до глубины души вашим отношением к памяти, к подвигу нашего народа. Сейчас как никогда это важно для молодёжи. Ваша просветительская акция «Вечный огонь» (или «Из книги – на экран») очень актуальна и, думаю, должна охватить все районы области. Это новая и весьма эффективная форма подачи материала, когда вы пишете книги, а потом снимаете фильмы. Такой синтез патриотического воспитания проникает в душу, заставляет о многом задуматься. Успехов вам в этом благородном деле. А фестивалю «Я – патриот страны своей, я – гражданин России!» удачи и открытия новых талантов, коими неисчерпаема наша держава…

Остаётся добавить, что сегодня, по мнению организаторов мероприятия, когда русская национальная культура незаслуженно отодвигается на второй план под воздействием геополитической обстановки в мире, развития новых технологий, очень важно привлекать детей и молодёжь к изучению своих культурных корней! Ведь Россия – многонациональная страна с древнейшей культурой!

Молодое поколение нередко забывает свои истоки: не знает великих русских композиторов, художников, поэтов, музыкантов, артистов, не очень хорошо изучает свою историю.

Многожанровый фестиваль-конкурс, который продлится до конца этого года, представляет собой открытый творческий проект, объединяющий в единую программу таланты разного жанра, любого возраста, любой национальности из городов, районов, сёл, деревень Орловской области.

Фото Татьяны Озёриной

Орловский Союз журналистов

Наталия ЕЛИЗАРОВА

АДАМОВСКАЯ МЕЛЬНИЦА

Летом и осенью 1931 года К.Г. Паустовский с женой и сыном некоторое время жили в городе Ливны Орловской области. Первый приезд писателя в Ливны случился в 1928 году, когда Паустовский гостил в провинциальном городке в доме Нацких – Дмитрия Ивановича, врача 15-го участка станции Ливны, и Нины Дмитриевны – «старого доброго друга» семьи Паустовских, с которой Екатерина и Константин познакомились ещё в Первую мировую войну. «Жили Нацкие на улице Шмидта, ныне Дружбы народов, в одноэтажном доме с садом», – вспоминал В.Г. Судиенко, бухгалтер станции Ливны. Он же сообщал, что во второй приезд «семья Паустовских остановилась в доме продавца железнодорожного магазина Ивана Александровича Бондарева на улице Водоразборной, ныне Аникушкина. Дом был большой, кирпичный, фасадом смотрел на реку Сосну». Сам Константин Георгиевич в повести «Золотая роза», главе «Ливенские грозы» написал: «В 1931 году я поехал на лето в город Ливны Орловской области. Я готовил тогда к печати мой первый, давно написанный роман, и меня тянуло в какой-нибудь маленький городок, где нет ни души знакомых, где можно сосредоточиться и никто и ничто не помешает работать… Городок понравился мне чистотой, множеством цветущих подсолнухов, своими мостовыми из цельных каменных плит и рекой Быстрая Сосна, вырывшей ущелье в толще жёлтого девонского известняка. Я снял комнату на окраине, в деревянном ветхом доме. Он стоял на обрыве над рекой».

Сохранились два письма Паустовского жене Екатерине Загорской – Паустовской, которая уехала из Ливен по делам в Москву. В письме от 14 сентября 1931 года Константин Георгиевич сокрушается, что с её отъездом «в доме стало тихо и мертво» и «даже не тянет ловить рыбу», а также сообщает: «Вчера начал писать книгу о Карабугазе…». Надо отметить, что именно брат Нины Дмитриевны – Александр Дмитриевич Нацкий, геолог и исследователь Прикаспия, рассказал Паустовскому о своих странствиях по Средней Азии и о заливе Кара-Бугаз. Паустовский загорелся идеей поездки и осуществил замысел, после чего во второй приезд в Ливны и была написана одноимённая повесть, где Шацкий стал прототипом одного из героев.

19 сентября 1931 года Паустовский пишет жене: «Сегодня ходили с Димом (сын К.Г. Паустовского – прим. автора) на Адамовскую мельницу, поймали рыбы, хозяйка нам ее зажарила, и Дим был в восторге. Второе сегодняшнее событие, – он с Мишей Хворощиным поймал в нашем саду ежа... Вчера шел с Димом по нашей улице, Дим заставил меня читать фамилии домовладельцев, и неожиданно обнаружилась очень забавная вещь, – все фамилии до одной очень литературные – Кольцов, Андреев, Федотов (худ.), Бунин, Леонов и даже Бабичев (герой «Зависти» Олеши)…».

Спустя годы сын писателя Вадим Георгиевич Паустовский напишет в очерке «Ливны, Солотча, Таруса»: «Жизнь в Ливнах для меня была связана с приобщением к рыбной ловле. Обычно мы с отцом выходили во второй половине

дня и отправлялись не на реку, а на дальнюю Адамову мельницу. Эти прогулки отпечатались в памяти очень четко. Сначала дорога шла вдоль хозяйского сада, такого же пустынного, как и двор, – участок поля с чахлыми яблоньками. Интересен сад был только своим забором – низким, сложенным из неровных известняковых плит. Город лежал на толщах известняка, такие заборы в нём встречались повсеместно, и это роднило Ливны с селениями Крыма и Северного Кавказа. За садом до самой мельницы тянулась равнина, покрытая кое-где кустарниками. С этой равниной у нас с отцом было связано много разговоров и догадок. Когда-то у восточной окраины Ливен сходились два пути, по которым крымские татары совершали набеги на московские земли. Они назывались Изюмским и Кальмиусским шляхами. По расчетам отца получалось, что как раз на большом поле между нашим домом и Адамовой мельницей было стойбище, где татары отдыхали, поили лошадей и откуда отправлялись далее уже одной дорогой – на Тулу и Москву… Несколько мрачное шестиэтажное здание Адамовой мельницы одиноко поднималось над равниной задолго до того, как становились заметными кусты и ветлы на берегах налитого вровень с краями пруда. Кроме нас на пруду также регулярно появлялся только один рыболов – высокий старик в старомодной кепке и поношенной офицерской шинели, застегнутой до воротника. Возвращались назад мы не редко вместе с ним, и дорогой я скучал, так как старик и отец толковали о своем не торопясь, но увлеченно… В середине пятидесятых годов я безошибочно узнал старика в рассказе, который так и называется „Старик в потёртой шинели“».

Мукомольная мельница купцов Адамовых, возле которой гуляли и удили рыбу Константин Георгиевич и Вадим Паустовские, была построена в 1873 году на реке Сосне. Фёдор Иванович Адамов для строительства использовал проект сына Михаила – студента Петровско-Разумовской академии и вложил в постройку около пяти миллионов рублей. В день пуска произошёл какой-то сбой – гидротурбины не сдвинулись с места, Адамов-отец не смог пережить эту катастрофу и в тот же день повесился.

Впоследствии проект был переработан, и мельница заработала. Но оказалось, что плотина значительно подняла уровень воды в реке Сосне и городская мельница, которую арендовал купец Леонов, была подтоплена. В 1885 году Леонов подал на Михаила Адамова в суд. Эксперты, в числе которых был профессор Харьковского технологического института В.И. Альбицкий, вынесли решение, по которому Елецкий окружной суд постановил взыскать с виновника в пользу города большую сумму. Однако на поданную Адамовым апелляцию Московская судебная палата вынесла решение в его пользу, несмотря на то, что интересы города представлял известный адвокат Ф.Н. Плевако.

Мельница работала с хорошей прибылью. В 1913 году она производила 585 000 пудов муки в год. На деньги Михаила Фёдоровича в городе построили Ново-Никольскую церковь, амбулаторную лечебницу, в селе Успенском – школу, в селе Козьминском – церковь. Он также занимался распространением в городе телефонной связи и считался самым богатым и знаменитым местным промышленником. Рабочим к праздникам отпускал по пуду муки, а в случае рождения ребёнка выдавал 25 рублей. После октябрьского переворота свои земли, магазины и мельницу Адамов передал новой власти, дом на Соборной улице у него отобрали, оставив одну комнату. В 1922 году Адамов уехал в Ялту и через некоторое время скончался. Адамовская же мельница использовалась по своему прямому назначению до начала Великой Отечественной войны. Перед тем как оставить Ливны немецким войскам, местная власть демонтировала и вывезла оборудование (которое позже так и не было найдено), а здание безуспешно пыталась подорвать, лишь частично разрушив его угол. В послевоенное время мельницу не восстанавливали, на плотине были установлены гидрогенераторы для решения проблемы с электроэнергией. В 60-х годах XX века, после подключения Ливен к Единой энергетической системе, генерирующее оборудование демонтировали и строения постепенно пришли в негодность. В 1983 году предпринималась попытка создать на этом месте Дом отдыха, но сменившаяся власть идею не поддержала. Адамова мельница является памятником промышленной архитектуры XIX века и причислена к местам, связанным с жизнью и творчеством К.Г. Паустовского.

Источники:
Волков С. П. Ливны. Орёл: Орловское книжное издательство, 1959. 92 С.
Барабанов В., Якубсон О. Ливенский край – частица земли русской. Орёл: Картуш, 2007. С. 200 – 205.
К.Г. Паустовский. Собрание сочинений в 9 томах. Том 9. М.: Худ. лит. 1986. С. 92 – 94.
Владлен Дорофеев. Пленники судьбы и истории (по материалам архива орловского журналиста Эдуарда Дорофеева).
Паустовский В.Г. Ливны, Солотча, Таруса. Очерк. М: Молодая гвардия, Антология «Бригантина 69-70», 1970, С. 30 – 40.
К.Г. Паустовский. Блистающие облака. Роман. Повести. М: Эксмо, 2012. С.420 – 421.